

Фиеста в Лужниках

ВЕСНОЙ поговаривали, что в Москву приедет прославленный матадор Домингин, и проведет в Лужниках показательную корриду. Домингин не приехал, а вместо него в Лужниках на четыре дня обосновался «испанский балет Антонио», танцевальный ансамбль, включающий самого Антонио, постановщика танцев и первого танцовщика, нескольких солистов, не большой кордебалет, двух певцов, гитаристов и дирижера (симфонический оркестр был наш, ленинградский).

Лужники — не лучшее место для концертов подобного рода: вытянутый, слишком просторный зал разведиляет зрителей и артистов, тогда как смысл представления, показанного испанским балетом

Антонио, — в контакте, прямо-таки изнуряющем контакте сцены и зрительного зала. Звон гитар и треск кастаньет, истошные голоса певцов, хлопки в ладоши, гипнотический ритм чечетки и вихрь внезапных резких движений, наконец слепящие краски костюмов, платяев — все это завораживает слух и глаз, вовлекает зрителя в магический круг, делает почти соучастником происходящего, как на массовых народных празднествах.

Но если это праздник, то все-таки испанский, а не латиноамериканский, более похожий на фиесту, чем на карнавал. Артист здесь не смешивается с толпой. Недоступная черта проходит в главный момент между главными испол-

нителями и всем остальным миром подобно барьеру, отделяющему матадоров на корриде, главным событиям испанской фиесты.

Ансамбль Антонио подобран так, что на фоне общительных молодых Тео Сантьельмо и Марианны появляется гордая, недоступная Розарио. И сам Антонио, бесконечно общительный в иные минуты, замкнут и недоступен в другие. В испанских танцах есть гений общительности и есть гений недоступности; испанские артисты вносят на сцену беспечное веселье праздника и суровую отрешенность повстанца...

Гордый идеал испанских мужских танцев — честь. В алой куртке, с золотой цепью на груди, похожий на наполе-

оновского маршала, и величественной осанкой, с откинутой назад головой и поднятой властной рукой, — таким появился Антонио в Лужниках в заключительный вечер гастролей. Это типичная поза испанских мужских танцев. И хотя тематически их смысл очень широк, первым планом проходит горделивое самоупреждение...

Типичный испанец, Антонио не похож на других танцоров, тоже типично испанских. Он строг, изящен, подвижен, в его горделивой пластике — масса грации, а его неутомимая виртуозность несет в себе обольстительную легкость. И как он поводит своими жгучими чужеземными, ласковыми глазами, Антонио — севильский обольститель, возродившийся под маской героического танцора. Его чеканная чечетка — восторженная песнь любви; следя за его ритмическими импровизациями, его и впрямь хочется назвать «импровизатором любовных песен».

В балете «Любовь и колдовство», поставленном и сыгранном Антонио, он танцует два дуэта — с соперником и с возлюбленной. В первом случае, несмотря на необычность ситуации (соперник — призрак), фантазия Антонио-хореографа не воспламеняется, да и Антонио-исполнитель более чем скуп на эмоции.

Зато какую поэму разыгрывает он в дуэте с любимой женщиной, какое богатство возможностей находит он здесь.

Программа Антонио строится по определенной, традицией установленной системе. Сюжета испанских танцев, показанная Антонио, — не дивертисмент, но спектакль, со своей драматургией, со своей композицией — завязкой, кульминацией и развязкой. Драматургическая основа спектакля — переплет, верховный принцип — иерархия, но высший закон — права молодости.